

УДК 330.3

ОВЧИННИКОВ Олег Владимирович, доктор социологических наук, профессор кафедры экономики, менеджмента и маркетинга заочного финансово-экономического института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 79 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, 14 учебных пособий, 14 учебно-методических пособий

БАН Татьяна Михайловна, старший преподаватель кафедры прикладной математики и высокопроизводительных вычислений института математики, информационных и космических технологий Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 21 научной публикации

СОЦИОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ СОБСТВЕННИКА

Проблема формирования собственника в сельском хозяйстве уходит глубокими корнями в процессы, развернувшиеся в ходе ранней буржуазной революции XVII века в Англии, в которой крестьянство было основной движущей силой. Именно тогда философ Д. Локк дал теоретическое обоснование собственности на землю как триединого понятия: жизнь, свобода, имущество. С этого статуса и началось формирование социальной роли фермера в англо-саксонской цивилизации. И в настоящее время агрохолдинги в кооперации с фермерами сформировали современную социально-экономическую структуру. Россия как «догоняющая цивилизация» шла к фермеризации через реформы Александра II, П. Столыпина, идеалы Великой русской революции 1917 года, где главной движущей силой было крестьянство, расколотое на идеалы частной или общинной формы собственности на землю. Коллективизация 30-х годов XX века закрыла вариант фермеризации и дала ресурс для индустриализации. Однако «ничья» собственность на землю резко снизила мотивацию к высокопроизводительному труду. И даже в 70-е годы XX века производительность труда в сельском хозяйстве СССР была в 4–5 раз ниже, чем в США. Срочная, в течение года, расколлективизация в 1992 году привела к тотальному разрушению всех основ крестьянской жизни. Так, в Архангельской области производство зерна в настоящее время по сравнению с 1990 годом уменьшилось в 20 раз, мяса – в два раза, молока – в три. В собственности крестьян земельные доли составляют 283 тыс. га, но почти 90 % не востребованы. Крестьянские фермерские хозяйства, на которые делала ставку ельцинская элита, сегодня в области производят 4 % картофеля, 0,3 % овощей, 10 % молока, 4 % мяса. И как в Архангельской области, так и в целом по России у сельского населения случилась сильная внутренняя депрессия, т. к. мечты о собственном эффективном хозяйстве рухнули навсегда. 40 млн га пашни в стране из имеющихся 130 – заброшено. До 20 млн чел. в личных подсобных хозяйствах и дачных участках с лопатой в руках добывают себе средства на пропитание. И остается один вопрос: «Не прошло ли сельское хозяйство России критическую точку невозврата к эффективному собственнику на земле?»

Ключевые слова: реиндустриализация, кооперация, коллективизация, формы собственности, эффективность, аграрная политика.

В 2014 году ситуация в мировой экономике кардинально изменилась. США, Англия, Германия, Франция и другие страны приступили к форсированной третьей индустриализации (машиностроение, робототехника, ИТ-уровень «Биг Дата») с массовой подготовкой инженеров класса STEM; из Китая, Индии быстро возвращают промышленность. Основной локомотив индустриализации на Западе – государственно-частное партнерство.

Россия за прошедшие 20 лет практически полностью деиндустриализировалась. Доля торговли в ВВП достигла 24 % при норме 5–7 %. Доля импорта в машиностроении – 67 %. Выработка продукции в обрабатывающей промышленности в РФ на душу населения – 504 долл. против 9000 долл. в Японии. Это ниже, чем в Греции, Тайланде и Уругвае.

Основные показатели движения экономики к новому кризису следующие:

– рынки закрыты или падают. Банки поддерживаются вбросом ликвидности со стороны ЦБ. Прерываются карточные связи с внешними платежными системами;

– валютная задолженность корпоративных заемщиков – 4,7 трлн р. против 3,3 трлн р. в 2008 году;

– финансовая система стала еще более уязвимой, чем в 2008 году, сломаны многие тренды развития. У банков нет собственной ликвидности – она заемная. Реальная стоимость большинства коммерческих банков не превышает 20 % балансовой. Возникла угроза перехода к мобилизационным финансам. Отток капитала из РФ в 2014 году, по прогнозам экспертов, достигнет 5 трлн р. против 1,9 трлн р. в 2013 году.

Положение более критическое, чем в 1929 году в канун индустриализации в СССР. Тогда на нашу страну работали США, Германия, Англия, поставляя нам технологии, оборудование и специалистов. Более 70 тыс. инженеров этих стран работали в СССР. К этому их вынудил тогдашний мировой кризис. Сейчас все наоборот: наша страна в начале экономической и политической изоляции. В США началось увольнение российских ученых (физиков,

энергетиков), работающих в центрах высоких технологий.

У нас один выход – масштабное создание новых отраслей, подготовка новых кадров, опора только на собственные силы.

Вместе с промышленностью в реиндустриализацию вступает и сельское хозяйство. Но здесь положение в развитых странах и России принципиально разное. В развитых странах в результате большого исторического пути современное фермерское хозяйство основано на том, что государство или крупные агрохолдинги (в разных странах по-разному) за фермера и планируют, и кредитуют его, и страхуют, и консультируют, как организовать бизнес, какие культуры и технологии использовать. А вот для того, чтобы понять наше катастрофическое положение в сельском хозяйстве сегодня, обратимся к истории и уясним, что экономический уклад с его формой собственности формирует свой социальный тип личности с его структурой потребностей-интересов-ценностей, направленной или на расширенное воспроизводство всей экономической, социальной, культурной сферы своей жизни, или на консервацию себя в стабильно неразвивающемся укладе жизни. Главным фактором всех этих процессов является та или иная форма собственности.

В эпоху ранних буржуазных революций философское определение собственности было дано Джоном Локком. Он сформулировал очень важный принцип тесной увязки собственности с энергией человеческой деятельности. Для Локка собственность – триединое понятие, включающее жизнь, свободу и имущество. Здесь важно отметить, что философская концепция Локка сублимирует живое восприятие собственности английским крестьянством – главной ударной силой английской революции XVII века. Для взявшегося за оружие крестьянина участок земли, политый его потом и кровью, был не просто имуществом, а олицетворял собой жизнь и свободную деятельность. Собственность охватывала ту часть предметного мира, которая была освещена энергией человеческой жизнедеятельности. Частная собственность стала

на столетия энергетикой непрерывного развития потенциала человека, а, следовательно, и восходящего развития экономики страны. Совсем иная ситуация в России. Общинное землевладение консервировало развитие, базировалось на традиционном типе личности. Гигантская реформа Александра II закончилась для него трагически, но императорский «Манифест» 1861 года остается главным поворотным пунктом на пути к синтезу нашей традиционной и либеральной цивилизаций. Через 50 лет после реформы Александра II только реформы П. Столыпина дали возможность формирования собственника в сельском хозяйстве. Февральская революция 1917 года была Великой крестьянской революцией, подобной той, что пережила Англия в XVII веке. Но собственник у нас был слишком слаб, и в 1917 году инверсионный маятник вновь вернул общинника.

Вторая Программа партии, принятая VIII съездом РКП(б) в 1919 году, ставила целью ликвидацию товарно-денежных отношений и замену их на плано-непосредственные отношения, замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Более того, есть в ней и такое положение: целью партии является введение уравнительного распределения продуктов.

Корни традиционализма в России прочны и глубоки. Триста лет веры в доброго царя и идеал христианского социализма в душах многих людей (и коммунистов, и беспартийных) слились в немудреное представление, что равенство – в бедности. Это и есть справедливость. Пятью хлебами накормить пять тысяч. Всем поровну, пусть богатые поделятся с бедными. Всем миром строить общее дело, но чтобы у всех всего поровну, тогда уйдет зависть и все люди будут, как братья. Это понятие о социализме, шедшее из глубинных недр народной жизни, стихийно воплощалось в реальность при создании коммун, а потом и колхозов. Общие дома, общий котел, общая земля. Все владеют всем и конкретно – никто ничем. Результат не заставил себя ждать: весь прибавочный продукт проедали, а стимулов для его

увеличения не было – голод неизбежен. Новое ли это явление? Нет. Еще в 1848 году два молодых и образованнейших человека Европы К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «подобно тому, как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодалами. Нет ничего легче, чем придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности?» [1, с. 449]. В ответ на казарменный коммунизм заполыхали в России крестьянские восстания. Их задушили оружием, в т. ч. и газовым. Но голод жестко продиктовал откат к частной собственности, к НЭПу. И здесь, с 1921 по 1929 год, Россия получила уникальную возможность перейти к фермерскому варианту развития сельского хозяйства через его саморазвивающуюся систему – кооперацию.

К 1926 году мы восстановили свое хозяйство. А темпы! Ни одна из капиталистических стран и не помышляла о таких. В чем тут суть? Управленческий аппарат еще не разросся до сегодняшних небывалых размеров, лозунгов и плакатов висело меньше, а дело шло! Удалось раскрыть трудовой потенциал человека, дать полный простор для реализации личного интереса – его органично связали с интересом общегосударственным. *Сами* строим, изготавливаем продукцию, *сами* продаем, *сами* управляем, *сами* расплачиваемся за свои ошибки. Словом, не по указке сверху, а *сами* делаем свою жизнь. Собственность принадлежала конкретному трудовому коллективу, артели, человеку. Государство не имело права претендовать не только на весь совокупный общественный продукт, но и на весь прибавочный продукт, не имело права произвольно распределять доходы хозяйственных единиц. Бурно развивалось сельское хозяйство. Несмотря на то, что в годы Первой мировой и гражданской войн более чем на половину было уничтожено поголовье лошадей, крупного рогатого скота, благодаря высокой мотивации собственника количество лошадей почти восстановилось, поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец и коз превзошло довоенный период.

К 1926 году завершилось восстановление животноводства на Севере. В Северо-Двинской губернии количество рабочего скота увеличилось на 8,7 %, крупного рогатого скота – на 13,9 %, свиней – на 40,3 % по сравнению с 1913 годом.

Архангельский горисполком утвердил порядок проведения сельхозналога на 1926–1927 годы, который исчисляется по количеству пахотной земли в хозяйстве, сенокоса, крупного рогатого и рабочего скота. А овцеводство, свиноводство, пчеловодство, птицеводство и другие малораспространенные статьи дохода налогом не облагались. Освобождалась полностью от налога малоимущая часть населения: с доходами по Архангельскому уезду в 31 р., по Шенкурскому – в 26, Онежскому – в 32, Печорскому – в 37 р. на чел. [4, с. 36].

Трудящиеся напряженно берегли каждую копейку, но все были спокойны: Советская власть есть своя власть. Она дала социальную защищенность, уверенность в завтрашнем дне, простор для инициативы.

Наука в лице великого Чайнова осмыслила этот стихийный процесс и развила теорию кооперации в сильный раздел экономической науки. Видные политики того времени А.И. Рыков, Н.И. Бухарин со всей энергией принялись развивать потребительскую, сельскохозяйственную кооперацию. Н.И. Бухарин писал: «Хороший сельский кооператив может поднять на ноги целое село, вытянуть его из нужды. Хороший кооператив разбудит и семена, и удобрение, и племенной скот. Он засеет для деревни опытное поле, на котором покажет лучшие формы и способы обработки земли. Хороший кооператив соорудит маслодельное производство там, где есть молочный скот, организует скупку табака, где его сажают, и выгодную продажу льна, где он водится. Хороший кооператив, поднатужившись, выпишет трактор, а когда денег скопит, то и электричество по всей деревне проведет. Хороший кооператив выпишет в деревню агронома, который выведет крестьян из темной ямы трехполья к многопольному хозяйству, научит бороться с засухой и всяческими бедами» [3, с. 383].

Но в 1929 году путь формирования эффективного собственника, саморегулируемой системы сельского хозяйства в СССР был навсегда закрыт путем физического уничтожения миллионов собственников, именуемых кулаками, внедрением системы, аналогичной промышленности, с полной блокадой каких-либо материальных стимулов к работе. Крепостное право вновь вернулось в российскую деревню. Крестьяне физически выживали только за счет личного подсобного хозяйства (0,15 га), с которого еще и платили налоги.

В 1940 году в колхозах СССР производилось 1,3 млн т мяса, а в личных подсобных хозяйствах – 3,4 млн т; молока – соответственно 7,5 и 26,1 млн т; яйца – 0,7 и 11,5 млрд шт. [2, с. 208]. Личность собственника была многократно эффективнее личности наемного работника. Таким образом, Россия пошла по пути тотальной государственной собственности, совершив в 30-е годы XX века всеобщую коллективизацию, запрограммировав человека на жизнь наемного работника на земле, без имущества и свободы.

Однако правящая элита причины такого состояния видела в слабой механизации труда в сельском хозяйстве. И уже к 1956 году число тракторов в колхозах увеличилось в 2,3 раза, комбайнов – почти в три раза. [2, с. 253]. Впоследствии, до 1990 года, эти цифры многократно увеличились, заменив десятки тыс. работников деревни, мигрировавших в города.

Одновременно с ростом фондовооруженности труда в сельскохозяйственном производстве сформировались и институты, которые привели к созданию в 1985 году агропромышленного комплекса области (АПК). В него вошли: сельскохозяйственные опытные станции, трест специализированных совхозов, объединение «Сельхозтехника», птицефабрики, пищевая, рыбная промышленность, учебные заведения.

Но ранее, к 1970 году, стало ясно, что и сельское хозяйство, и промышленность исчерпали экстенсивные формы развития и объективно подошли к этапу создания двухсекторной экономики. В планово-распределительную необходимо было внедрить элементы рыночной.

К примеру, колхозы и совхозы обязаны были бы выполнять план по поставкам продукции государству, а вторую половину продукции реализовывать по рыночным ценам. И одновременно дать землю в частную собственность всем желающим гражданам. Таким образом обеспечивались бы жесткость и гибкость экономического механизма и одновременно возникала бы заинтересованность в результатах своего труда **коллективного собственника**. А если к этому добавить еще и внутренний хозрасчет в колхозах и совхозах, то мы бы получили дальнейшее развитие величайшего достояния советского народа, каким являлась плановая экономика. Об этом говорит тот факт, что в развитых странах собственность вновь меняет свою форму. Однако для России это еще перспектива, ибо тогда, в 70-е годы XX века, мы упустили свой шанс изменить форму собственности и перейти на двухсекторную экономику (и план, и рынок), что блестяще сделал Китай. Мы же бросились в XXI век к частной собственности в ее простейших формах. Образцом для сельского хозяйства стал индивидуальный производитель с частной

собственностью на землю типа английского крестьянина XVIII века. И как результат, в промышленности произошла деиндустриализация, а в сельском хозяйстве – деколлективизация с разрушением всех институтов. Количественные параметры работы сельского хозяйства области за 20 лет показаны в *таблице*.

В ходе реформы 496,7 тыс. га было передано местным органам власти, 390 тыс. граждан получили 171,8 тыс. га для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества, животноводства, индивидуального и дачного строительства, а 61,5 тыс. колхозников (рабочих совхозов) стали собственниками почти 400 тыс. га.

По землям сельхозназначения ситуация стала следующей. Всего сельхозугодий – 728 тыс. га, в т. ч. пашни – 304 тыс. га. Однако эффективность ее использования по сравнению с 1990 годом упала многократно. Так, производство зерна сократилось в 20 раз (5 тыс. т против 100 тыс. т), картофеля – в три раза, овощей – на 30 %. Урожайность зерна осталась на уровне 1913 года – 15 ц/га, картофеля – 110 ц/га против

**РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
в 1990–2010 годах**

Показатели	1990	1998	2010
1. Валовой сбор, <i>тыс. т</i> :			
зерно	98,5	16,6	3,4
картофель	307,2	419,6	125
овощи	45,4	79,2	35
2. Урожайность, <i>ц/га</i> :			
зерно	13,8	11,1	15,5
картофель	139	117	114,5
овощи	217	196	114,5
3. поголовье скота, <i>тыс. голов</i> :			
крупный рогатый скот, <i>всего</i> :	358	116	58
в т. ч. коровы	141,8	38	27,4
свиньи	177,7	15	24,2
овцы и козы	91,9	43,6	19,3
4. Производство:			
мяса (скота и птицы), <i>тыс. т</i>	71,3	22,2	29,7
молока, <i>тыс. т</i>	294,5	190	119,2
яиц, <i>млн шт.</i>	423,1	163	247,9
5. Среднегодовой надой на одну корову, <i>кг</i> :	2560	2890	4522

140 в 1990 году, овощи – 110 ц/га против 220 в 1990 году, поголовье крупного рогатого скота по сравнению с 1990 годом сократилось в 7 раз, в т. ч. коров – в 5, свиней – в 9, овец и коз – в 4,5 раза. И, соответственно, почти в такой же пропорции в области уменьшилось производство мяса, молока, яиц. Земельная реформа 1990 года ставила целью создание многообразия форм собственности, чтобы кардинально увеличить производительность труда в сельском хозяйстве, а следовательно, и объем производимой продукции. В реальности все произошло наоборот, 90 % картофеля стали производить в натуральных хозяйствах: садоводческие кооперативы – 145 тыс. т и только 14,5 тыс. т (товарный картофель) – сельхозпредприятия. Еще хуже ситуация была с овощами (из 32 тыс. т – 30,8 (96,3 %) дачные кооперативы). Лишь по молоку ситуация чуть лучше: 74,0 % – сельхозпредприятия, 7,3 % – крестьянские фермерские хозяйства, 18,7 % – население.

Сравнительный анализ состояния сельского хозяйства в Архангельской области и Финляндии (идентичные природные условия), а также сельского хозяйства дореволюционной России (1913 год) показал, что в ходе реформ 30-х годов прошлого века (коллективизация) был уничтожен социальный тип человека-собственника. Вместо него пришел наемный работник. Несостоявшаяся в СССР кооперация в сельском хозяйстве (чаяновский, финский варианты) закрыла путь к формированию современного хозяйства.

В ходе изучения проблемы эффективного использования земель в Архангельской области особое внимание уделялось землям сельхозназначения.

Сегодня в собственности крестьян Архангельской области земельные доли составляют 282,7 тыс. га, но 253,3 тыс. га (89,6 %) **не востребованы**. Представительство на них осуществляют сельхозпредприятия. С 2001 года, с принятием нового Земельного кодекса, гражданам стали получать земельные участки бесплатно, а вступивший в силу в 2003 году ФЗ

«Об обороте земель сельхозназначения», позволяющий гражданам реализовывать права собственника в отношении долей на земельные участки сельхозназначения, завершил процесс создания правовых норм. Теперь 1031 крестьянское фермерское хозяйство владеет 54 тыс. га земель сельхозназначения, или 8,5 % от всех сельхозугодий.

Знаменитые личные подсобные хозяйства (ЛПХ), которых насчитывается свыше 150 тыс. единиц владеют 36,7 тыс. га (5,8 %) от всех сельхозугодий. И, наконец, еще одна категория собственников – садоводы, которых в области 81 тыс. чел., владеющих 12,7 тыс. га земель. Техническое вооружение садоводов – лопата, и недаром их численность уменьшилась с 2000 года на 20 тыс. чел. (20 %). Уменьшилась численность и крестьянских фермерских хозяйств с 1217 до 1031 (15,3 %). Численность занятых в сельхозпредприятиях области по сравнению с 1990 годом уменьшилась на 40 %. У населения Нечерноземной зоны России произошла внутренняя депрессия. Они уже ни во что не верят, т. к. мечты о собственном эффективном хозяйстве полностью рухнули. Крестьян все бросили. Кредиты недоступны. Агрохолдинги (крупный капитал) беспощадно скупают колхозы и совхозы на корню и получают от государства финансирование не просто безмерное, а бесстыдное. Они бьются за субсидии на смерть, а потом с такой же силой – за списание долгов. К этому необходимо добавить массовое закрытие на селе фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), школ, учреждений культуры. Новая Федеральная целевая программа повторила контуры старой, принятой еще в 2003 году. О ее «масштабе» говорит следующий факт. До 2030 года предусмотрено осуществить проекты комплексной застройки в 132 сельских населенных пунктах, что составляет 0,25 % от реальной потребности. На сегодня общее число таких сел с населением более 101 чел. – 50 924. Эксперты говорят, что безработица по всей сельской территории России тотальная. Большинство жителей живут в нищенских условиях, которые даже

Гондурасам и Угандам не снились. Это настоящая катастрофа, нищета, котел ненависти.

Об «эффективности» новых «собственников», вчерашних наемных сельхозрабочих говорит только один факт. Средняя урожайность

зерновых в России – около 20 ц/га против 80 в Голландии, 40 – в Норвегии. Волнует лишь один вопрос: «Не прошло ли сельское хозяйство, сформированный там тип личности потребителя критическую точку невозврата?»

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50 т. М., 1961. Т. 4.
2. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.
3. Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990.
4. Советы Севера. 1936. № 9. С. 36.

References

1. Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniy: v t.* [Collected Works: In 4 Vols.]. Vol. 4. Moscow, 1961.
2. *Narodnoe khozyaystvo SSSR za 70 let* [National Economy of the USSR over 70 Years]. Moscow, 1987.
3. Rykov A.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1990.
4. *Sovety Severa*, 1936, no. 9, p. 36.

Ovchinnikov Oleg Vladimirovich

Distance Institute of Finance and Economics, Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

Ban Tatyana Mikhailovna

Institute of Mathematics, Information and Space Technologies,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

SOCIOLOGY OF NORTHERN VILLAGE: DIALECTICS OF FORMING THE OWNER

The problem of forming the owner in agriculture is deeply rooted in the processes dating back to the early bourgeois revolution in England in the 17th century, the peasantry being its main driving force. At that time, philosopher John Locke gave the theoretical substantiation for the ownership of land as a triune concept: Life, Liberty and Property. It was this status that initiated the establishment of the farmer's social position in the Anglo-Saxon world. Nowadays, large agriculture companies in association with farmers have formed the modern socioeconomic structure. Trying to catch-up, Russia took a long way to farming through the reforms of Alexander II and P. Stolypin as well as the ideals of the Russian Revolution of 1917, with peasantry being the main driving force. The peasantry was divided: some adhered to the private while others – to the common ownership of land. Collectivization of the 1930s put an end to the farming option and promoted industrialization. At the same time, "nobody's land" discouraged people from working hard. Even in the 1970s, workforce productivity in agriculture in the USSR was 4–5 times lower than that in the USA. The urgent (during one year) decollectivization in 1992 destroyed the whole basis of the Soviet agriculture. Thus, nowadays the Arkhangelsk Region produces 20 times less grain, 2 times less meat and 3 times less milk than in 1990. Peasants own 283,000 ha of land but nearly 90 % of it is not used. The farms, which Yeltsin elite counted on, nowadays produce only 4 % of potatoes, 0.3 % of vegetables, 10 % of milk and 4 % of meat. Both in the Arkhangelsk Region

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

and in the rest of Russia, rural workers fell into a deep depression, as their dreams of productive farming were shattered. 40 out of 130 million ha of arable land in our country are abandoned. Up to 20 million people earn their daily bread by cultivating their household and countryside plots. Only one question is left: Has Russian agriculture passed the point of no return to the efficient landowner?

Keywords: *reindustrialization, cooperation, collectivization, forms of ownership, efficiency, agricultural policy.*

Контактная информация:

Овчинников Олег Владимирович

адрес: 163000, г. Архангельск, Наб. Северной Двины, д. 54, корп. 1;

e-mail: oleg.owchinnikow2014@yandex.ru;

Бан Татьяна Михайловна

адрес: 163000, г. Архангельск, Наб. Северной Двины, д. 54, корп. 1;

e-mail: t.ban@narfu.ru

Рецензент – *Ульяновский В.И.*, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова